

DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-2-264-278

EDN: VBISRD

Научная статья / Research article

Репрезентация исторического прошлого в современном российском сетевом дискурсе: контурсы семантических трансформаций

А.А. Ширинянц^{1,2} , О.Ю. Шмелева³

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва, Российская Федерация*

²Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*

³Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, *Нижний Новгород, Российская Федерация*

✉ jants@yandex.ru

Аннотация. В условиях информационного противостояния в мире, интенсификации в медийном пространстве манипулятивной деятельности многообразных субъектов, спекуляций на тему прошлого актуализируется проблема выработки на государственном уровне системной и последовательной стратегии реализации политики памяти, управления прошлым, создания новых форматов, инфраструктуры коммуникаций с целью противостояния попыткам фальсификации истории и формирования негативных оценок исторических событий. Особое значение данная проблема приобретает в контексте тотальной цифровизации и сетевизации политико-коммуникативного пространства, продуцирующих риски фрагментации исторической памяти, появления новых инструментов непрямого информационного воздействия, невозможности полного контроля над информационно-идеологическим пространством социальных медиа и продвижения единых исторических нарративов, формирования непротиворечивого ценностного фундамента. В исследовании на основе данных прикладных исследований, реализованных посредством аналитического ресурса TGStat, анализа материалов информационных ресурсов социальных медиа, связанных с исторической тематикой, предпринята попытка систематизации исторических нарративов, изучения механизма репрезентации прошлого (способов, лингвистических средств, приемов, технологий, форм репрезентации прошлого, формируемых в медиадискурсе коннотаций), идейно-смыслового содержания дискурсивных практик о прошлом России, направлений идейно-семантических изменений в репрезентации прошлого в условиях меняющейся международно-политической

© Ширинянц А.А., Шмелева О.Ю., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

конъюнктуры. Цель исследования — изучение форм, способов, механизмов репрезентации и актуализации исторического прошлого в современном медиадискурсе как инструментов конструирования смыслов, представлений о прошлом, реализации политики памяти; анализ содержания транслируемых смыслов, их когнитивной нагрузки. Результаты контент- и дискурсивно-лингвистического анализа текстов сообщений позволили выделить константные и ситуативные темы, фигурирующие в информационном поле, актуализируемые субъектами цифровой коммуникации, галерею образов исторических деятелей, событий прошлого; сделать вывод о разнонаправленности информационных потоков, способствующих формированию фрагментированности сетевого образа прошлого; скудности набора исторических опорных символов и избирательном подходе власти к выбору исторических тем, сюжетов в качестве коммеморативных практик; активной цифровой стигматизации российского государства и общества, деструктивном потенциале деятельности «псевдороссийских» информационных ресурсов.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, исторический нарратив, историческое прошлое, коммеморация, сетевой дискурс, репрезентация прошлого, семантические трансформации, актуализация прошлого, Телеграм-дискурс

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ширинянц А.А., Шмелева О.Ю. Репрезентация исторического прошлого в современном российском сетевом дискурсе: контуры семантических трансформаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28. № 2. С. 264–278. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-264-278> EDN: VBISRD

Representation of the Historical Past in Contemporary Russian Media Discourse: The Outlines of Semantic Transformations

Aleksander A. Shirinyants^{1,2} , Olga Yu. Shmeleva³

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

³Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ jants@yandex.ru

Abstract. In the current context of global information confrontation, increasing manipulative activities by various actors in the media space, and speculative reinterpretations of the past, the development of a coherent state-level strategy for memory policy has become critically important. Such a strategy must address the management of historical narratives, the creation of new representational formats, and the construction of communication infrastructure to counter attempts to falsify history and prevent the formation of negative evaluations of historical events. These challenges are exacerbated by total digitalization and the networking of political and communication spaces, which lead to fragmentation of historical memory, the emergence of indirect information

influence tools, the impossibility of fully controlling ideological narratives on social media, and the erosion of unified historical narratives and consistent value foundations. Drawing on empirical data from the analytical platform TGStat and a content analysis of historical materials from social media, this article systematizes historical narratives and examines the mechanisms of past representation. It analyzes methods, linguistic means, techniques, forms, and connotations within media discourse, focusing on the ideological and semantic content of discursive practices concerning Russia's past, as well as shifts in these representations under changing international political circumstances. The aim is to investigate the forms, methods, and mechanisms of representing and actualizing the historical past in contemporary media discourse as tools for constructing meanings and implementing memory policy, and to assess the cognitive load of transmitted meanings. The results of content and discourse analysis of textual messages reveal both constant and situational themes activated by digital communicators, along with a gallery of images of historical figures and events. The findings lead to several conclusions: the multidirectional nature of information flows contributes to a fragmented media image of the past; there is a scarcity of historical reference symbols, combined with authorities' selective approach to historical themes and narratives as commemorative practices; and there is active digital stigmatization of the Russian state and society, including the destructive potential of activities by "pseudo-Russian" information resources.

Keywords: historical politics, politics of memory, historical narrative, historical past, commemorative practices, online discourse, representation of the past, semantic transformations, actualization of the past, Telegram discourse

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Shirinyants, A.A., & Shmeleva, O.Yu. (2026). Representation of the historical past in contemporary Russian media discourse: The outlines of semantic transformations. *RUDN Journal of Political Science*, 28(2), 264–278. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2026-28-2-264-278> EDN: VBISRD

Введение

Медиатизация и сетевизация современного общества создают новые форматы и инфраструктуру политической коммуникации, способствуют трансформации механизма репрезентации исторического прошлого, изменению парадигмы коллективной памяти и воспоминаний [Erl1 2017], способа восприятия настоящего и прошлого [Silence, Screen, and Spectacle 2014]. Сетевой принцип генерирования контента социальных медиа приводит к росту числа создателей смысловых конструкций, «персонализации событий, нарративов и свидетельств» [Save As... Digital Memories 2009], в репрезентации которых «личная история и личный опыт заменяют объективные факты» [Artamonov, Medvedeva, Tikhonova, Volovikova 2021: 20], а также к фрагментации информационного поля, смысловых потоков в результате появления большого числа репрезентаций истории, «многообразия коммемораций», образующих «многоголосье» прошлого, которое сложно подчинить единым правилам господствующего нарратива» [Аникин 2024: 77]. Логика репрезентации прошлого в формате сетевой коммуникации подчинена принципу «нового

историзма», главным свойством которой является «неиерархичность, то есть равное доверие... как к разным историческим источникам, так и к разным точкам зрения» [Соловьёва 2018: 30]. Вместе с тем отдельные внутренние и внешние акторы используют исторические нарративы в качестве инструмента политического манипулирования, продвижения деструктивной повестки, направленной на подрыв внутреннего единства российского общества, переоценку ряда исторических событий, их политизацию, формирование негативного образа власти и государства, чувства вины, страхов среди населения.

Вышеуказанные обстоятельства актуализируют проблему управления историческим прошлым, архитектурой коллективной памяти в медиaproстранстве: сетевой принцип генерирования контента затрудняет продвижение единого исторического нарратива, выработку системной, последовательной стратегии реализации политики памяти на государственном уровне. Факторами политического риска становятся сохраняющаяся хаотичная смысловая матрица сетевого дискурса об историческом прошлом, с одной стороны, и рассогласование темпов институционализации и инструментализации исторической политики (политики памяти), формирования официальных исторических нарративов и управления семантической архитектурой медиадискурса о прошлом, упорядочения смысловых потоков. Особую остроту данная проблема приобретает на фоне информационных, когнитивных войн, в которых медийные репрезентации отдельных исторических тем, сюжетов, символов становятся средствами внешнего влияния, инструментами управления исторической памятью, формирования поля смысловых конфликтов.

Цель исследования — изучение форм, способов, механизмов репрезентации и актуализации исторического прошлого в современном российском сетевом дискурсе как инструментов конструирования смыслов, представлений о прошлом, реализации политики памяти; анализ содержания транслируемых смыслов, их когнитивной нагрузки.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретическую основу исследования составили положения теории памяти, сформулированные М. Хальбваксом, А. Ассманом, П. Нора, Т.В. Адорно и др., раскрывающие механизм реализации человеческой памяти, ее виды (нейронная, социальная и культурная/«внутренняя» (личная) и «внешняя» (социальная)), свойства (упрощение, динамичность, эпизодический опыт, селективный характер) [Ассман 2014: 29–30, 34, 38; Хальбвакс 2005], социальные и политические стратегии формирования (замалчивание, забвение, скорбь). В рамках изучаемой проблемы также были использованы теоретические наработки ученых, посвященные осмыслению феноменов забвения, «проработки прошлого» как защитных механизмов памяти [Адорно 2005, 64; Нора 1999: 20–21], анализу стратегий «вытеснения памяти» (отрицание

собственной вины и приписывание ее другому, замалчивание и фальсификация и др.) [Ассман 2014, 184].

Методологическим инструментом изучения репрезентаций исторического прошлого в Телеграм стала концепция медиатизированной памяти Х. ван Дейк [van Dijk 2007], основанная на исследовании изменений индивидуальной и коллективной памяти под воздействием процессов цифровизации, а также теоретические наработки ученых, связанные с рассмотрением различных аспектов цифровой коммеморации, взаимосвязи цифровых медиа и памяти, влияния цифровизации на историческую политику [Hein 2009, Sebald 2018]. Авторы статьи опирались в раскрытии проблемы на концептуальную схему понятий («коллективная память», «социальная память» [Хальбвакс 2005], «проработка прошлого» [Адорно 2005], «горизонт памяти», «комплекс вины», «репрезентация прошлого» [Нора 1999] и др.), созданную в рамках теории памяти.

Идейно-смысловые трансформации лексических единиц в Телеграм-дискурсе о прошлом рассматривались в статье с опорой на базовые положения теории семантических изменений, представленной трудами М.М. Покровского, Г. Шпербера, С. Ульмана, Д.С. Лихачева и др.

Для достижения поставленной цели был реализован контент- и лингводискурсивный анализ медиатекстов в Телеграм, который производился посредством аналитических ресурсов Voyant Tools и Text-Tool.ru. Данные инструменты позволили выявить частотность употребления семантически связанных со словом «прошлое» лексем, дистрибуций, коннотаций к слову «прошлое»; выделить ключевые слова, раскрывающие идейно-смысловое содержание дискурса об историческом прошлом в Телеграм и составившие семантическое ядро к слову «прошлое»; определить плотность ключевых слов, показывающую частоту повторения последних в тексте; рассмотреть используемые в процессе репрезентации прошлого политические средства, приемы и технологии. Динамика семантических трансформаций выявлялась посредством применения в исследовании дискурсивно-лингвистического анализа по трехмерной модели Варнке — Шпитцмюллера, учитывающего конъюнктурный контекст идейно-смысловых изменений, коммуникативные действия участников дискурса, структурные и прагматические характеристики текстов.

Результаты

Эмпирическую основу исследования составили материалы, полученные в результате мониторинга публикаций в Телеграм по теме «Политика памяти и историческое прошлое России», произведенного посредством ресурса TGStat за период с 22 ноября 2025 г. по 20 января 2026 г. Выбор Телеграм был обусловлен популярностью данной площадки у россиян и устойчивым ростом среднемесячных показателей охвата аудитории

пользователей (в октябре 2025 г. она составила 91 млн чел.¹, в ноябре 2025 г. — 105 млн чел.)².

Ключевыми маркерами изучения нарративов о прошлом стали лексемы «историческое прошлое» и «политика памяти». В общей сложности было выявлено и исследовано 194 единицы текста (постов) и 2573 словоформы. В созданном информационном массиве была определена частотность употребления в медиатекстах лексических единиц, употребляемых со словом «прошлое»; выделено семантическое ядро в полученном массиве данных, произведен анализ дистрибутивного окружения концепта «прошлое». Полученные результаты в систематизированном виде представлены в табл. 1.

Высокую частотность в изучаемый период времени демонстрируют такие дистрибутивные семантические элементы, как: память (123), геноцид (61), историческое (51), сохранение (35), деколонизация (28), героическое (23), забытое (19), демонтаж (17), герой/героизация (14), войны (13), уважение (11), правда (11), повторение (8), борьба (6), свидетельствующие о концептуальной значимости и способности последних конструировать текст и сетевой дискурс.

В целом проведенные исследования медиатекстов позволяют констатировать превалирование позитивных коннотаций в структуре семантического ядра к слову «прошлое». Положительное значение коэффициента Яниса ($C = 0,042$), рассчитанного с помощью формулы

$$C = \frac{f^2 - fn}{rt},$$

где f — число положительных оценок (93); n — негативных оценок (78); r — количество единиц текста, имеющих непосредственное отношение к теме — 171; t — общий объем единиц текста (194), подтверждает данный тезис. Вместе с тем необходимо отметить неоднородность семантического ядра, в структуре которого наряду с мелиоративной лексикой достаточно широко оказались представлены словоформы с негативным смысловым содержанием (они составили 40,2 % от общего количества рассмотренных единиц текста). Семантика последних связана с *разрушением* и обозначается лексемами — «уничтожение», демонтаж, снос, утрата; *забвением* — переписывание, фальсификация, искажение, искоренение; *историческими травмами прошлого* — депортации, Холокост, геноцид, голод, голодомор; тревожными психологическими состояниями — страх, травма, ненависть. Кроме того, в семантическом поле оказались представлены неологизмы, отражающие конъюнктурный контекст дискурса о прошлом.

¹ Основные показатели Телеграм по данным Медиаскопа. URL: <https://t.me/mediascopedata/450> (дата обращения: 03.01.2026).

² Данные ресурса «Код Дурова». URL: <https://kod.ru/telegram-mau-record-rus> (дата обращения: 03.01.2026).

Таблица 1. Частота употребления в тексте ключевых слов к лексеме «прошлое»

Лексема	Частота употребления в тексте	Плотность ключевых слов, %	Лексема	Частота употребления каждой лексемы в тексте	Плотность ключевых слов, %
Память	123	4,7	Этноцид, экспансия, насилие, распад, пропаганда, Холокост	9	0,3
Исторический	96	3,7			
Прошлое	65	2,5			
Геноцид	61	2,4	Депортации, приговор, неоколониализм, искоренение, империализм, Победа, независимость, зависимость, Африка	8	0,3
Сохранение	28	1,1			
История	36	1,1			
Деколонизация	28	1,1			
Черкесы/ черкесский	28	1,1			
Правда	10	0,4	Искажение, освобождение	7	0,3
Войны	26	1			
Советское(ий)	24	0,9			
Народ	23	0,9	Снос, корни, забытые, перекройка, фашизм, символы	6	0,2
Уничтожение	17	0,7			
Империя/ имперский	30	1,1	Фальсификация, миф, 80-летие, преступление	5	0,2
Памятники	21	0,8			
Колониальный	21	0,8	Голод, чтить, раскол, Сталин, нацизм	4	0,15
Герой	19	0,7			
Великая	17	0,7			
Трагедии	17	0,7	Пересмотр, скорбь, репрессии, ненависть, враждебность, увековечивание, страх, устанавливать, Соловецкий, голодомор, Дзержинский, манипулируют	3	0,11
Демонтаж/ демонтировать	17	0,7			
Мемориальные	16	0,6			
Героическое/ героизация/ Героизм	8	0,3			
СССР	13	0,5			
Декоммунизация, уважение	13	0,5			
Конфликт	12	0,5			
Россия, жертвы, наследие, переписывают	11	0,4	Отрицание, ненавидеть, реванш, ресентимент, травма, демонтировать, уроки	2	0,07
Эпоха, защита, ассимиляция	10	0,4			

Источник: составлено А.А. Ширинянцем и О.Ю. Шмелевой по результатам исследования.

Table 1. Frequency of use of keywords in the text for the lexeme «past»

Lexeme	Frequency of use in the text	Keyword density, %	Lexeme	Frequency of use in the text	Keyword density, %
Memory	123	4.7	Ethnocide, expansion, violence, disintegration, propaganda, Holocaust	9	0.3
Historical	96	3.7			
Past	65	2.5			
Genocide	61	2.4	Deportations, sentence, Victory, neocolonialism, eradication, Africa, imperialism, independence, dependence	8	0.3
Preservation	28	1.1			
History	36				
Decolonization	28	1.1			
Circassians/ Circassian	28	1.1			
Truth	10	0.4	Distortion, Liberation	7	0.3
Wars	26	1			
Soviet	24	0.9			
People	23	0.9	Demolition, roots, forgotten, remake, fascism, symbols	6	0.2
Destruction	17	0.7			
Empire	30	1.1	Falsification, myth, crime, 80th anniversary	5	0.2
Monuments	21	0.8			
Colonial	21	0.8	Victims, famine, honor, schism, Stalin, nazism	4	0.15
Hero	19	0.7			
Great	17	0.7			
Tragedies	17	0.7	Revision, grief, repression, hatred, hostility, commemoration, fear, establishment, Solovetsky, Holodomor, Dzerzhinsky, manipulation	3	0.11
Dismantling/ dismantling	17	0.7			
Memorial	16	0.6			
Heroic/heroization/ heroism	8	0.3			
USSR	13	0.5			
Decommunization, respect	13	0.5			
Conflict	12	0.5			
Russia, heritage, rewriting, victims	11	0.4	Denial, hate, revenge, resentment, trauma, respect, dismantling, lessons	2	0.07
Era, protection, assimilation	10	0.4			

Source: compiled by A.A. Shirinyants, O.Yu. Shmeleva.

Представленные в семантическом поле сетевого дискурса о прошлом лексемы выстраиваются вокруг основных тем, обозначенных в табл. 2.

Таблица 2. Основные темы медиадискурса об историческом прошлом России

Тема дискурса (основная идея)	Коннотации		Всего постов
	Позитивные	Негативные	
История Российской империи	2	3	5
История советского прошлого			
Великая Отечественная война	7	3	10
Террор, репрессии	–	3	3
Образование СССР, советское прошлое в целом	3	5	8
Национальное строительство	1	3	4
Гражданская война	–	2	2
Голод 1932–1933 гг.	–	3	3
Всемирная история	–	2	2
Герои/героизация прошлого	6	1	7
История в лицах	5	–	5
Переписывание, забвение, фальсификация, демонтаж		34	34
Другие, в том числе сохранение исторической памяти	25	12	37

Источник: составлено А.А. Ширинянцем и О.Ю. Шмелевой по результатам исследования.

Table 2. Main themes of media discourse about Russia's historical past

Topic of the Discourse (Main Idea)	Connotations		Total posts
	Positive	Negative	
History of the Russian Empire	2	3	5
History of the Soviet Past			
Great Patriotic War	7	3	10
Political Regime of the USSR, terror, repressions	–	3	3
Formation of the USSR, the Soviet Past	3	5	8
Nation Building	1	3	4
Civil War	–	2	2
Famine of 1932–1933 Голод 1932–1933 годов	–	3	3
World History	–	2	2
Heroes/Glorification of the Past	6	1	7
History in Persons	5	–	5
Rewriting, Forgetting, Falsification, Dismantling		34	34
Others, Including Preserving Historical Memory	25	12	37

Source: compiled by A.A. Shirinyants, O.Yu. Shmeleva.

Одной из ключевых тем постов в Телеграм, касающихся исторической политики, стала деколонизация, получившая отражение в рамках дискурса об имперском прошлом России, лейтмотивом которой являются идеи ущемления прав, притеснения, геноцида народов России. Данная проблематика активно политизируется отдельными субъектами сетевого дискурса и служит инструментом дезинтеграции российского общества, дискредитации власти. Основная часть репрезентируемых в медиадискурсе событий, однако, связана с советским прошлым. Сюжеты советской истории доминируют в информационном поле как по числу постов, так и по идейно-смысловой нагрузке, касаются событий гражданской войны, голода на Украине 1932–1933 гг., образования СССР и дочерней с ней проблематики советского политического режима, политических репрессий, событий Великой Отечественной войны, включая тему подвигов советских граждан.

Обсуждение

Проведенный анализ медиатекстов позволил выделить ряд тенденций в репрезентации исторического прошлого. Первая из них связана с усилением *фрагментированности и неоднородности* идейно-смыслового пространства сетевого дискурса о прошлом, в котором отчетливо просматриваются контуры двух противоположных стратегий репрезентации прошлого — созидательной (охранительной) и разрушительной (деструктивной), основанные на различных целевых, ценностных установках, идеологических интерпретациях событий прошлого, подходах к трактовке истории, свидетельствующих о «неоднозначном восприятии исторического прошлого» [Василевская, Фадеева 2024: 557] и позволяющих противоборствующим сторонам «включать свое противоположное видение событий в общий контекст более высокого уровня» [Адорно 2005: 69, 72]. Первая ориентирована на продвижение консолидирующих нарративов и исторических практик, созидательных видов и форм деятельности, их популяризацию (установка памятников, меры по сохранению исторической памяти и пр.), вторая — на актуализацию травм, преступлений прошлого, основана на разоблачениях, забвении, страхах, культивировании ненависти, вражды. Деструктивные смыслы поддерживаются и актуализируются на пространстве Телеграм преимущественно оппозиционными структурами и субъектами («Лига свободных наций» (в 2023 г. признана нежелательной по решению Генпрокуратуры России, в 2024 г. — признана Верховным Судом РФ террористической организацией), «Правительство независимого Татарстана в изгнании» (внесена Министерством юстиции РФ в список экстремистских организаций) и др.), продвигающими посредством исторического ресурса идеи сепаратизма, внутреннего раскола страны. Коммуникативная стратегия данных акторов ориентирована на пересмотр и альтернативную трактовку отдельных событий прошлого, их политизацию (например, взятие Казани в 1551 г., депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, присоединение кавказских территорий в XIX в.), ревизию базовых традиционных российских

ценностей (единства, *признания значимости государства* всеми ведущими сегментами общества). Реализация данной стратегии находит свое отражение в таких смысловых конструкциях, как «утрата татарской независимости» и прочих, противоречащих официальной позиции. Примером аналогичной деструктивной деятельности стали посты в Телеграм в указанный период времени о «геноциде черкесов», «ущемлении тюркских народов» (башкир и татар)³. Альтернативная трактовка событий российской истории нашла отражение в посте про «смоленскую республику» и «европейские корни» Смоленска⁴.

Вторая тенденция отражает изменение механизма репрезентации прошлого, связанного с упрощением (примитивизацией) трактовок истории, снижением когнитивной нагрузки на адресата. Примитивизация достигается за счет «оперирования стереотипами обыденного сознания», исторической памяти, идеологиями исторической политики, принимаемыми за аксиому [Воскресенская 2022: 300, 301, 303] (например, фашистские зверства); смещения фокуса исторического дискурса на чувственно-эмоциональную составляющую в репрезентации событий прошлого, активации механизма дихотомичного мышления (плохо — хорошо, свой — чужой, добрый — злой).

Усиление эмоционально-аффективного компонента механизма репрезентации прошлого связано с третьей тенденцией — *негативацией* сетевого дискурса о прошлом, характеризующейся ростом негативной семантики как одного из проявлений семантической трансформации, отличающейся контекстуальным характером. Наглядным проявлением данной тенденции стало активное использование субъектами Телеграм-дискурса дисфемизмов, пейоративной лексики, стигм, а также широкого спектра манипулятивных технологий (ресентимента, стигматизации, сторителлинга), имеющих целью усиление эмоционального воздействия на адресата.

Негативация Телеграм-дискурса стала одним из направлений общей, глобальной тенденции в сетевой коммуникации, связанной с *семантической трансформацией репрезентации прошлого*, проявляющейся по нескольким направлениям. В информационном массиве сообщений отчетливо прослеживается пейорация — придание слову отрицательной коннотации, осуждение, критика, распространяющаяся, например, на оценку вербальных и физических действий руководства ЕС и реализуемой ими политики («фейковый министр», «русофобские режимы», «ЕСовка»); многократное использование метафорических переносов для усиления экспрессивных оценок («стирание прошлого/воспоминаний» (10)⁵, «демонтаж истории/памяти» (4), «откат от целей» (4), «звериный почерк», «перестройка исторической карты», «западные хищники», «демонические мятежники», «приговор российскому империализму»,

³ Черкесский Ренессанс (владелец данного информационного ресурса признан лицом, нарушающим законодательство РФ) А. Тумов. Лига свободных наций (признана нежелательной, террористической и запрещенной на территории РФ организацией).

⁴ Московитская дипломатия и стирание памяти. Канал «Смоленская республика» (владелец данного информационного ресурса признан лицом, нарушающим законодательство РФ).

⁵ Количество упоминаний метафор в анализируемом информационном массиве.

«вычищать все русское», «замылить темные страницы истории», «мусорная корзина истории», «символические войны», «конфликтное поле» и др.), дисфемизмов («предатель», «фальсификатор», «враг народа» и пр.). Еще один вектор семантических трансформаций связан с появлением в сетевом дискурсе неологизмов («ЕСовка», «россиефобия»), а также новых образов, интерпретаций событий, личностей. Примером данного вектора семантической трансформации служит изменение в медийном поле под влиянием современной конъюнктуры семантики и коннотаций восстания декабристов и их собирательного образа («не герои-освободители, но и не «демонические мятежники», «они элита, которая ошиблась в средствах, но не в любви к России») (пост в официальном канале В. Мединского от 11.12.2025 г.) .

Наконец, еще одна тенденция репрезентации прошлого в современном российском сетевом дискурсе связана с попытками *конструирования актуального прошлого*, понимаемого в научном сообществе как «своеобразный репертуар исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами... значимыми для современных политических практик, ядро которого составляют устоявшиеся мифы о событиях прошлого» [Малинова 2017: 18]. В Телеграм-каналах актуализируются преимущественно события советского периода (гогод 1932–1933 гг., репрессии, гражданская война, Карибский кризис), а также отдельные исторические сюжеты имперской России по большей части имеющие неоднозначную или негативную трактовку событий с целью проведения «выгодных» исторических параллелей, наделения негативными смыслами нарративов, интерпретация которых строится на мифах о намеренном голодоморе, колонизации народов России и др. и сопровождающиеся соответствующей лексикой («геноцид», «приговор империализму», «деколонизация», «деколонизационные рейды» и пр.)⁶.

Заключение

Репрезентация прошлого является одним из основополагающих структурных элементов политики памяти, инструментом конструирования смыслов, мировоззренческих установок и ценностей, идейного обеспечения политического процесса.

Позиционирование исторических событий в современном Телеграм-дискурсе подчинено сетевой логике генерирования смыслов, характеризуется политизацией, противоположными интенциями исторического сознания пользователей платформы, тенденциями и стратегиями интерпретации истории, хаотичностью семантической матрицы сетевого дискурса о прошлом, неоднородностью и эклектичностью смысловых доминант. Содержательным аспектом

⁶ Старый Следопыт (владелец данного информационного ресурса признан Роскомнадзором лицом, нарушающим законодательство РФ); Yuri Latysh (признан Роскомнадзором лицом, нарушающим законодательство РФ) «The politics of memory has become an important part of the Russo-Ukrainian war» // Историческая экспертиза. 29.11.2025. URL: https://t.me/s/istorex_ru/9715.

репрезентации прошлого является ограниченность спектра базовых исторических символов, избирательный подход власти к выбору тем, эпизодов, сюжетов в качестве коммеморативных практик.

Процесс репрезентации исторического прошлого отличается конъюнктурностью, ситуативностью, динамичностью. Современные вызовы (цифровизация, клиповизация сознания, когнитивные и информационные войны) определяют контуры семантических изменений сетевого дискурса о прошлом, связанные с упрощением трактовок исторических событий, их субъективацией, смещением фокуса восприятия событий с когнитивной на чувственно-эмоциональную составляющую, негативизацией дискурса и др.

Ситуация с репрезентацией исторического прошлого России, которая складывается на настоящий момент в сетевом дискурсе, не способствует формированию целостного исторического и политического мировоззрения россиян, объективных представлений об исторических событиях, характеризуется фрагментированностью дискурса о прошлом и требует выработки системного подхода к реализации политики памяти на разных уровнях государственного управления, преодоления асинхронности темпов реализации политики памяти на смысловом и институциональном уровнях, которая становится фактором риска дезинтеграции общества на фоне попыток дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в РФ.

Поступила в редакцию / Received: 12.12.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 23.12.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.02.2026

Библиографический список

- Адорно Т.В. Что означает «проработка прошлого» // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. Москва : Новое литературное обозрение, 2005. С. 64–80. EDN: WJQGEN.
- Аникин Д.А. От политики покаяния к культуре отмены: трансформация исторического забвения в условиях медиатизации прошлого // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 80. С. 74–85. <http://doi.org/rm10.17223/1998863X/80/7> EDN: PDZBZS.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с немец. Б. Хлебникова. Москва : Новое литературное обозрение, 2014.
- Василевская А.А., Фадеева М.Ю. Трансмедийный сторителлинг как технология актуализации мнемического опыта в русско-немецком диалоговом континууме // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4 (107). С. 557–560. <http://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-4107-556-560> EDN: YROUUK.
- Воскресенская М.А. Историческая информация в современной российской прессе: языки медийной репрезентации // Медиалингвистика. 2022. Т. 9. № 4. С. 288–308. <http://doi.org/10.21638/spbu22.2022.401> EDN: PXTYWO.
- Малинова О.Ю. Неудобный юбилей: итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном нарративе РФ // Политическая наука. 2017. № 3. С. 13–40. EDN: ZRCUDH.

- Нора П. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 328 с.
- Соловьёва Д.Ю. Новый историзм в репрезентации истории в цифровой среде // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2018. № 4. С. 26–54. <http://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2018.2654> EDN: XVLQVN.
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. Москва : Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50. EDN: WJQGEH.
- Artamonov D.S., Medvedeva E.N., Tikhonova S.V., Volovikova M.L. Holy Selfie as the Channel of Media Memory in the Digital World // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Vol. 3. No. 2. P. 14–27. <http://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.150> EDN: GPJPVQ.
- Erll A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Berlin-Heidelberg: Goethe-Universität Frankfurt, 2017. http://doi.org/10.1007/978-3-476-05495-1_4.
- Hein D. Erinnerungskulturen online. Angebote, Kommunikatoren und Nutzer von Websites zu Nationalsozialismus und Holocaust. Konstanz: UVK, 2009. S. 275–276. <http://doi.org/10.5771/1615-634x-2010--275>.
- Sebald G. Digitale Medien und Gedächtnis — aus der Perspektive einer Gedächtnissoziologie // *Digitale Medien und soziale Gedächtnisse* / G. Sebald & M.-K. Döbler (eds.). Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH. 2018. S. 29–51. http://doi.org/10.1007/978-3-658-19513-7_2.
- Save As... Digital Memories / ed. by J. Garde-Hansen, A. Hoskins, A. Reading. Basingstoke; NY : Palgrave Macmillan, 2009. <https://doi.org/10.1057/9780230239418>
- Silence, Screen, and Spectacle: Rethinking Social Memory in the Age of Information / ed. by L.A. Freeman, B. Nienass, R. Daniell. New York, Oxford : Berghahn Books, 2014. <https://doi.org/10.3167/9781782382805>
- Van Dijck J. Mediated memories in the digital age. Stanford-California : Stanford University* Press, 2007. (*Стэнфордский университет включен в перечень иностранных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ).

References

- Adorno, T.V. (2005). What does «working through the past» mean? *Memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe*. (p. 64–80). Moscow: New Literary Review. (In Russian). EDN: WJQGEH.
- Anikin, D.A. (2024). From the politics of regret to cancel culture: The transformation of historical oblivion in the context of the mediatization of the past. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 74–85. (In Russian). <http://doi.org/10.17223/1998863X/80/7> EDN: PDZBZS.
- Artamonov, D.S., Medvedeva, E.N., Tikhonova, S.V., & Volovikova, M.L. (2021). Holy selfie as the channel of media memory in the digital world. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(2), 14–27. <http://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.150> EDN: GPJPVQ.
- Assman, A. (2014). *The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Erll, A. (2017). *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen*. Berlin-Heidelberg: Goethe-Universität Frankfurt. https://doi.org/10.1007/978-3-476-05495-1_4
- Freeman, L.A., Nienass, B., & Daniell, R. (2014). *Silence, screen, and spectacle: Rethinking social memory in the age of information*. New York — Oxford: Berghahn Books. <https://doi.org/10.3167/9781782382805>
- Garde-Hansen, J., Hoskins, A., Reading, & Basingstoke A. (Eds.). (2009). *Save as... Digital memories*. NY: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9780230239418>

- Halbwachs, M. (2005). Collective and historical memory. *Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe* (p. 16–50). Moscow: New Literary Review. (In Russian). EDN: WJQGEH.
- Hein, D. (2009). *Erinnerungskulturen online. Angebote, Kommunikatoren und Nutzer von Websites zu Nationalsozialismus und Holocaust*. Konstanz: UVK. <http://doi.org/10.5771/1615-634x-2010-275>.
- Malinova, O.Yu. (2017). An inconvenient anniversary: The results of rethinking the «founding myth» of the USSR in the official narrative of the Russian Federation. *Political Science (RU)*, 3, 13–40. (In Russian). EDN: ZRCDUH.
- Nora, P. (1999). *France-Memory* /P. Nora, M. Ozouf, J. de Puimege, M. Vinok. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University. (In Russian).
- Sebald, G. (2018). Digitale Medien und Gedächtnis — aus der Perspektive einer Gedächtnissoziologie. *Digitale Medien und soziale Gedächtnisse*. In G. Sebald & M.-K. Döbler (Eds.), Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH. 29–51. https://doi.org/10.1007/978-3-658-19513-7_2
- Solovyova, D.Yu. (2018). New historicism in the representation of history in the digital environment. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, 4(10), 26–54. (In Russian). <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2018.2654> EDN: XVLQVN.
- Van Dijck, J. (2007). *Mediated memories in the digital age*. Stanford-California: Stanford University* Press. (*The activities of Stanford University have been deemed undesirable in the Russian Federation).
- Vasilevskaya, A.A., & Fadeeva, M.Yu. (2024). Transmedia storytelling as a technology for actualizing mnemonic experience in the Russian-German dialogue continuum. *World of Science, Culture, Education*, 4(107), 557–560. (In Russian). <http://doi.org/10.24412/1991-5497-2024-4107-556-560> EDN: YROUUK.
- Voskresenskaya, M.A. (2022). Historical information in the modern Russian press: Languages of representation. *Media Linguistics*, 9(4), 288–308. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.401>. EDN: PXTYWO.

Сведения об авторах:

Ширинянц Александр Андреевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российский университет дружбы народов (e-mail: jants@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-6949-2256)

Шмелева Ольга Юрьевна — доктор политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (e-mail: o_shmeleva1977@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7082-5433)

About the authors:

Aleksander A. Shirinyants — Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Socio-Political Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Professor of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (e-mail: jants@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-6949-2256)

Olga Yu. Shmeleva — Doctor of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science, Institute of International Relations and World's History, Lobachevsky University (e-mail: o_shmeleva1977@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7082-5433).